

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Круглова Юрия Александровича
на тему: «Ограничение прав человека в интересах государственной
безопасности в условиях особых (экстраординарных) правовых
режимов: конституционно-правовое исследование актуальной
российской практики»
по специальности 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-
правовые) науки**

Актуальность диссертационного исследования Юрия Александровича Круглова обусловлена возрастанием роли государства в обеспечении национальной безопасности в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций. Современные угрозы, включая пандемии, террористические акты, техногенные и природные катастрофы, а также иные чрезвычайные обстоятельства, объективно требуют от государства применения особых правовых режимов, сопровождающихся временным ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что вводимые ограничения прав требуют обеспечения баланса между правами личности и публичным интересом общества и государства, и в первую очередь - обеспечением государственной безопасности. В связи с этим, исследование границ и оснований, а также юридических механизмов ограничения прав в условиях особых (экстраординарных) правовых режимов приобретает особую актуальность.

Диссертантом Ю.А. Кругловым поставлена цель разработки общих критериев оценки конституционности особых (экстраординарных) правовых режимов и анализ особенностей ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 и вызовов, на противодействие которым направлена СВО. Данный контекст существенно актуализирует тему диссертации Юрия Александровича Круглова. Новые глобальные вызовы (пандемия COVID-19, СВО) выявили пробелы и противоречия в нормативном

регулировании чрезвычайных режимов, потребовали от государства введения ограничений прав человека посредством нормативных конструкций, формировавшихся *ad hoc*. В связи с этим, актуальным представляется исследование, направленное на теоретическое осмысление практики ограничения конституционных прав и свобод вследствие применения экстраординарных правовых режимов, ранее не известных российской конституционной практике, помимо конституционно закрепленных режимов военного и чрезвычайного положения.

Диссертация Ю.А. Круглова состоит из 2 глав, введения, заключения, списка источников и приложения. Общий объем диссертации составляет – 276 страниц, из них 30 страниц – список использованных источников. Основные положения диссертации нашли отражение в автореферате и публикациях автора.

Диссертация Ю.А. Круглова характеризуется четкой и продуманной логикой изложения материала. В первой главе рассматриваются теоретико - методологические основы ограничения прав человека в условиях государственной безопасности. Вторая глава посвящена анализу ограничений прав человека в условиях отдельных экстраординарных правовых режимов (пандемии COVID-19 и СВО). Структура работы в полной мере соответствует заявленной цели и задачам исследования. Объект и предмет исследования определены корректно, что обусловило достоверность исследования.

Достоверность научных положений и выводов диссертации обеспечена методологией исследования. Соискателем использован комплекс признанного исследовательского инструментария. Использованные методы коррелируют с целями и задачами работы. Достоверность исследования определяется также всесторонним анализом информации об исследуемых объектах. Работа отличается широким охватом научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, использованием разнообразного нормативного материала, анализом судебной практики и, прежде всего, решений Конституционного Суда РФ. Разработанная методология и широкая

эмпирическая основа диссертации позволили диссертанту прийти к обоснованным выводам по вопросам исследования.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается их апробацией. Результаты исследования нашли отражение в научных работах, докладах, выступлениях на международных конференциях. Основные выводы работы содержатся в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности (4 статьи).

Положения на защиту в полной мере соответствуют исследовательским задачам и общей логике работы, детально проработаны и обоснованы, обладают новизной. В частности, новизна прослеживается в предложенном автором определении понятия «государственная безопасность» (положение на защиту 1), а также в классификации особых правовых режимов, которые соискатель подразделяет на институционализированные (типичные) и неинституционализированные (нетипичные) (положение на защиту 3). Новизна присутствует в предложенных в работе критериях конституционности ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах государственной безопасности в экстраординарных ситуациях. Они дифференцированы на два типа: формальные и материальные (положение на защиту 2). Также автором предлагается иерархическая модель противодействия пандемиям на основе ограничительных мер различной юридической силы, что также содержит элементы новизны (положение на защиту 5).

Новизной обладают предложения практического характера. Так, Ю.А. Круглов предлагает дополнения ФКЗ «О чрезвычайном положении» новым видом - «эпидемическая ситуация федерального или регионального значения», а также предложено дополнить нормы о карантине в Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (положение на защиту 5). Необходимо отметить, что все предложения практического характера автором аргументированы и научно обоснованы.

Концепция внесения изменений в федеральное законодательство представлена в Приложении 2.

Заслуживают внимания рассуждения автора, в которых проводится разграничение понятия «государственная безопасность» со смежными терминами, такими как – «национальная безопасность», «общественная безопасность», «конституционная безопасность» и «безопасность граждан». Следует согласиться с тем, что соотношение данных терминов в науке конституционного права на данный момент четко не установлено, что дополнительно актуализирует тему исследования Ю.А. Круглова. Автор приходит к справедливому выводу о том, что не может быть универсального подхода к соотношению данных терминов, их соотношение всегда вырабатывается с учетом актуального периода исторического развития, господствующих научных и общественно-политических взглядов, существующих форм государственного устройства (С. 28). Вместе с тем, представляется, что автором не вполне продуманы критерии разграничения указанных понятий, а в тексте диссертации присутствует их отождествление.

Автор анализирует три концепции понимания термина «государственная безопасность» (С. 31). Между тем здесь ошибочно отождествляется государственная безопасность и обеспечение государственной безопасности (они представлены в едином перечне). Представляется, что это все же разные понятия. В итоге анализа научных подходов к исследуемой категории Ю.А. Круглов приходит к авторскому пониманию «государственной безопасности», сформулированному в выводах к параграфу 1.1. (С. 32, 33).

Диссертант не оставил без внимания и проблему доктринального понимания «ограничений прав человека», а также ее практического преломления в судебной практике. Анализ категории абсолютных прав человека позволил автору аргументировать систему абсолютно неприемлемых вмешательств в права и свободы человека (пытки, рабства, презумпции виновности и др.). В контексте этой проблематики можно было затронуть и

вопрос о соотношении с понятием «умаление прав личности», что осталось за рамками исследования. Кроме того, думается, что презумпция виновности не может стоять в одном ряду с пытками и рабством, поскольку бремя доказывания в разных отраслях распределяется по-разному и презумпция виновности/невиновности, скорее, принцип либо гарантия, чем конституционное право.

Научно обоснован вывод автора о том, что положения ст. 55 и ст. 56 Конституции России по отношению к ст. 2 Конституции России должны рассматриваться как один из элементов содержания «признания прав и свобод человека высшей ценностью», наряду с положениями ст. 18 Конституции России, а также наряду с иными имплицитно заложенными в тексте Конституции РФ ограничениями конституционных прав (С. 75).

Следует поддержать вывод автора о необходимости применения широкого подхода к пониманию особых правовых режимов, объективным основанием которых может быть любая экстраординарная ситуация, представляющая угрозу личности, обществу или государству (С. 83-84), а вводимые государством меры могут быть как ограничительными, так и преференциальными. Справедливо мнение Ю.А. Круглова, что конституционность особых (экстраординарных) правовых режимов требует их соответствия определенным формальным и материальным критериям (С. 97).

Аргументированы и обоснованы рассуждения диссертанта о необходимости минимизации подзаконного, указного регулирования в условиях экстраординарных режимов. Ю.А. Круглов справедливо отмечает, что в условиях пандемии ограничительные меры по материальным критериям могли быть использованы, однако они не соответствовали формальному критерию конституционности – не были установлены на уровне федерального закона, привели к «опережающему» региональному регулированию и возникновению в российском правовом порядке такого правового явления, как мягкая гармонизация регионального законодательства на основе наиболее

прогрессивного опыта отдельных регионов (С. 165). Интересным и, безусловно, направленным на достижение исследовательской цели представляется анализ законодательства Германии, ограничивающего права и свободы граждан в целях защиты общественного здоровья от угрозы COVID-19 (С. 171-177). Данный сравнительно-правовой анализ позволил диссертанту сформулировать собственные практические предложения, направленные на совершенствование отечественного правового регулирования. Несомненным достоинством работы является проведенная автором комплексная оценка ограничительных мер, вводимых в условиях пандемии (параграф 2.1 и 2.2.) и в условиях СВО (параграф 2.4.). Следует отметить, что все выводы соискателя аргументированы и основаны на изучении актуального законодательства и практики Конституционного Суда РФ.

В целом, диссертационное исследование Юрия Александровича Круглова обладает теоретической и практической значимостью, обогащают науку конституционного права. Представленное исследование соответствует требованиям новизны, обоснованности и аргументированности научных положений и выводов.

Но поскольку Юрий Александрович обращается к злободневным, широко обсуждаемым проблемам конституционного права, это не может не вызывать вопросов, мыслей о дискуссионности ряда его выводов и предложений:

1. Автором вынесено на защиту определение понятия «государственная безопасность» (положение на защиту 1, параграф 1.1., С. 38), которое обладает новизной и отличается от определений, имеющих место в публично-правовых науках. Вместе с тем, представляется, что данное Юрием Александровичем определение нуждается в дополнительном пояснении на защите. Государственную безопасность диссертант представляет как состояние защищенности через перечень защищаемых объектов, а затем через описание механизма их защиты – закрепления и действия системы специальных правовых средств и деятельности органов власти по их применению.

Представляется, что состояние защищенности не тождественно системе правоотношений по ее обеспечению. Состояние – это статика, а механизм – динамика. В целом, данное диссертантом определение понятия, по сути, смешивает аксиологию (что защищаем), телеологию (цели защиты) и процедуру (как защищаем). Наибольшие возражения вызывает идея о презюмировании соразмерности вводимых мер безопасности государства, обеспечиваемых конституционным контролем. На ком лежит бремя опровержения этой презумпции? На гражданах? Что же касается судебного контроля, то он подразумевает лишь оценку конституционности нормативных актов и не может являться гарантом соразмерности вводимых государством мер безопасности.

В предложенном определении к объектам государственной безопасности автор относит суверенитет, независимость, неприкосновенность границ, территориальную целостность. Возникает вопрос – не являются ли все эти объекты составляющими элементами суверенитета государства, и в чем необходимость так перегружать определение понятия? Помимо этого, думается, что нельзя ставить в один ряд такие фундаментальные объекты, как народ, конституционный строй и весьма инструментальную ценность – финансово-бюджетную стабильность. Перечень этих объектов как однопорядковых делает невозможным применение той самой соразмерности, о которой пишет автор. Можно ли финансово-бюджетную стабильность государства рассматривать как конституционно-значимую цель вводимых ограничений конституционных прав? Также возникает вопрос – только ли о защите нормального функционирования органов государственной власти должна идти речь? Возможно, следовало сказать шире – об органах публичной власти?

2. В положении на защиту 2 и в тексте работы (С. 97) диссертант выделяет формальные и материальные критерии конституционности вводимых особых (экстраординарных) режимов. Предложенные критерии, безусловно, имеют важное теоретическое и практическое значение, обладают

признаками новизны, и сам факт их выделения заслуживает поддержки. В то же время, идеи диссертанта в этой части не лишены спорных моментов.

Так, к формальным критериям отнесены базовый критерий (федеральный закон, имеющий общий характер) и квалифицированный критерий, представляющий собой специальное правовое регулирование отдельных экстраординарных режимов. Не вполне понятно, как их разграничить на практике. К примеру, чрезвычайное положение является таким экстраординарным режимом (что прямо следует из текста диссертации, С. 113-117). Закрепление пределов ограничения прав личности в соответствующем ФКЗ – это базовый или квалифицированный критерий? Ведь закон относится к конкретному режиму. На защите хотелось бы услышать мнение диссертанта по данной проблеме (какие же все-таки законы следует относить к базовым, а какие к квалифицированным).

Некоторые вопросы вызывают и предложенные материальные критерии. Первым критерием названо наличие правомерной цели в форме определения юридических признаков экстраординарной ситуации. Данный вывод требует дополнительного пояснения на защите. Почему правомерная цель ограничения – это формально-юридические признаки экстраординарной ситуации. Представляется, что для оценки соразмерности ограничения прав должна фактически присутствовать конституционно-значимая цель – угроза государственной безопасности, она должна быть реальной. Критерий должен отвечать на вопрос – является ли защита от этой ситуации конституционно-значимой целью? В противном случае содержательная оценка цели подменяется формальным требованием ее юридического закрепления.

Второй критерий, разумность (пригодность) ограничений, автор видит в их временном, вынужденном и ограниченном характере. Осмелюсь предположить, что временный характер действия ограничений не может рассматриваться как критерий пригодности меры, поскольку мера может быть временной, но абсолютно непригодной либо, наоборот, постоянной и эффективной. Суд, применяя данный критерий, не сможет проверить

эффективность вводимых мер, что делает предложенный критерий нефункциональным. Все же в доктрине (Р. Алекси, Д. Барак) пригодность рассматривается с точки зрения ее ответа на вопрос – «работает ли эта мера?», способствует ли она достижению конституционно-значимой цели?

3. В работе диссертант характеризует негативные проявления и нарушения при проведении мобилизации на «новых территориях» (С. 206). В данном контексте весьма спорным представляется методологический выбор соискателя, основанный на использовании материалов СМИ в качестве эмпирической базы для таких выводов. Учитывая, что сам автор констатирует наличие в медиапространстве массива дезинформации и целенаправленных фейковых кампаний (С. 211, 214), использование таких материалов без их верификации (официальные обращения граждан в органы публичной власти, судебная статистика и иные объективные источники) ставит под сомнение обоснованность сделанного вывода.

С этой точки зрения весьма непоследовательной и противоречивой выглядит позиция автора по проблеме блокировки ряда СМИ и интернет-ресурсов (С. 225-228). Критикуя ограничения информационного пространства как наносящие «несоизмеримо больше, чем ущерб, который данными мерами пытались предотвратить законодатели и правоприменители» (С. 227), Ю.А. Круглов фактически сводит на нет собственный вывод о том, что «характер информационной политики отдельных СМИ может правомерно не соответствовать внешне - и внутривнутриполитическому курсу государства» (С. 214).

Очевидно, что в условиях военных действий информация перестает быть лишь элементом общественного дискурса, она становится важным стратегическим фактором. Деструктивная информация способна парализовать управление, подрвать доверие к институтам власти и деморализовать военнослужащих. Следовательно, оценка ограничительных мер в информационной сфере должна производиться не в парадигме мирного плюрализма, а с учетом предотвращенного негативного воздействия.

4. Юрием Александровичем Кругловым предложен перевод в разряд экстраординарного правового регулирования норм, устанавливающих юридическую ответственность за дискредитацию ВС РФ путем дополнения названий и диспозиций ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. 207.3 и ст. 280.3 УК РФ указанием на совершение соответствующих деяний «в период действия военного положения» (С. 223). Поддерживая в целом идею о необходимости совершенствования правового регулирования в данной области, все же возникает вопрос – не будет ли таким образом сфера применения данных норм слишком узкой, поскольку из диссертационного исследования следует, что далеко не всегда государство вводит именно режим военного положения.

Не будет ли слишком узким определение понятия «дискредитация», о котором много рассуждает диссертант, в случае его конкретизации в законодательстве. Зачастую конкретизация и детализация таких сложных с точки зрения определения их конкретного содержания понятий обычно сводится к принятию многочисленных изменений, поправок в закон и, как следствие, к противоречивой судебной практике.

Перечисленные замечания и вопросы имеют дискуссионный характер, указывают на творческий подход к исследованию и не влияют на общую положительную оценку и не умаляют значимости диссертационного исследования Юрия Александровича Круглова как научно-квалификационной работы.

Диссертация Юрия Александровича Круглова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой

степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Круглов Юрий Александрович заслуживает
присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.2 – «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Официальный оппонент:
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Таева Наталья Евгеньевна

02.09.2026.

Контактные данные:
тел.: +7 (499) 244-88-88 доб. 417, e-mail: netaeva@msal.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защита диссертация:
12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право

Адрес места работы:
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1
ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
кафедра конституционного и муниципального права
Тел.: +7 (499) 244-88-88; e-mail: msal@msal.ru.

Подпись сотрудника ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Н.Е. Таевой удостоверяю:

Подпись заверяю
Начальник отдела по учетно-аналитической работе
Управления кадров
Университет
«02.09.2026»
АУ
20